Братья Гримм

Мастер Пфрим

Был мастер Пфрим человек маленький, худощавый, но бойкий, и не имел он ни минуты покоя. Его лицо, на котором торчал один только вздернутый нос, было рябое и мертвенно бледное, волосы седые и взъерошенные, глаза маленькие, они бегали у него беспрестанно по сторонам. Все он замечал, все всегда ругал, все знал лучше всех и во всем всегда был прав. Если он шел по улице, то всегда сильно размахивал руками, так что выбил раз у девушки ведро, в котором та несла воду, и оно взлетело высоко на воздух, и при этом он был облит водой.

— Эх ты, голова баранья! — крикнул он ей, отряхиваясь. — Разве ты не видела, что я иду сзади тебя?

Он занимался сапожным ремеслом, и когда он работал, то так сильно выдергивал дратву, что попадал обычно кулаком в того, кто сидел с ним рядом. Ни один из подмастерьев не оставался у него больше месяца, оттого что он всегда придирался даже к самой лучшей работе и всегда находил, что сделано что-нибудь не так: то швы были недостаточно ровные, то один ботинок был длинней другого, то каблук выше, чем на другом ботинке, то кожа была отделана недостаточно хорошо.

— Постой, — говаривал он ученику, — я уж тебе покажу, как делать кожу мягче, — и при этом он брал ремень и бил ученика по спине. Лентяями он называл всех. А сам работал не так уж и много, — ведь и четверти часа не сидел он спокойно на месте. Когда жена его вставала рано утром и растапливала печь, он вскакивал с постели и бежал босиком на кухню.

— Ты это что, собираешься мне дом поджечь? — кричал он. — Такой огонь развела, что на нем можно целого быка изжарить! Разве дрова нам даром достаются?

Когда работницы стоят, бывало, у корыта, смеются и разговаривают между собой о том да о сем, он вечно начинал их бранить:

— Ишь стоят, точно гусыни, да гогочут и за болтовней забывают о своей работе! И зачем взяли новое мыло? Безобразное расточительство да к тому же позорная лень! Руки свои хотите сберечь, а белье стираете не так, как следует.

Затем он выбегал, опрокидывал при этом ведро с щелоком, и вся кухня была залита водой. Если строили новый дом, он подбегал к окошку и обычно смотрел на работу.

— Вот опять кладут красный песчаник! — кричал он. — Он никогда не просохнет; в таком доме все непременно переболеют. И посмотрите, как подмастерья плохо укладывают камень. Да и известка тоже никуда не годится: надо класть мягкий щебень, а не песок. Вот увидите, непременно этот дом рухнет людям на голову.

Затем он усаживался и делал несколько швов, но вскоре вскакивал опять, вешал свой кожаный передник и кричал:

— Надо пойти да усовестить этих людей! — Но он попадал к плотникам. — Что это такое? — кричал он. — Да разве вы тешете по шнуру? Что, думаете, стропила будут стоять ровно? Ведь все они вылетят когда-нибудь из пазов.

И он вырывал у плотника из рук топор, желая показать, как надо тесать, но как раз в это время подъезжала нагруженная глиной телега; он бросал топор и подбегал к крестьянину, который шел за телегой.

— Ты не в своем уме, — кричал мастер Пфрим, — кто ж запрягает молодых лошадей в такую тяжелую телегу? Да ведь бедные животные могут тут же на месте околеть.

Крестьянин ему ничего не отвечал, и Пфрим с досады убегал обратно в свою мастерскую. Только собирался он сесть снова за работу, а в это время ученик подавал ему ботинок.

— Что это опять такое? — кричал он на него. — Разве я тебе не говорил, что ботинок не следует так узко закраивать? Да кто ж купит такой ботинок? В нем осталась почти одна лишь подметка. Я

требую, чтобы мои указания исполнялись беспрекословно.
— Хозяин, — отвечал ученик, — вы совершенно правы, ботинок никуда не годится, но это же ведь тот самый ботинок, который выкроили вы и сами же начали шить. Когда вы вышли, вы сами сбросили его со столика, а я его только поднял. Вам сам ангел с неба, и тот никогда не угодит.
Приснилось ночью мастеру Пфриму, будто он умер и подымается прямо на небо. Вот он туда явился и сильно постучал во врата.
— Меня удивляет, — сказал он, — что на вратах нет кольца, ведь так можно и все руки себе разбить.
Открыл врата апостол Петр, желая посмотреть, кто это так неистово требует, чтоб его впустили.
— Ах, это вы, мастер Пфрим, — сказал он, — вас я впущу, но предупреждаю, чтобы вы оставили свою привычку и ничего бы не ругали, что увидите на небе, а то вам плохо придется.
— Свои поучения вы могли бы оставить и при себе, — возразил ему мастер Пфрим, — я отлично знаю, что и как подобает. Я думаю — здесь всё, слава богу, в порядке, и нет ничего такого, что можно было бы порицать, как делал я это на земле.
И вот он вошел и стал расхаживать по обширным небесным просторам. Огляделся он по сторонам, покачал головой, и что-то проворчал про себя. Увидал он двух ангелов, которые тащили бревно. Это было то самое бревно, которое было в глазу у одного человека, который нашел сучок в глазу у другого. Но ангелы несли бревно не вдоль, а поперек.
«Видана ли подобная бестолочь! — подумал мастер Пфрим, но вдруг умолк и будто согласился. — Да по сути все равно как нести бревно, прямо или поперек, лишь бы не зацепиться; я вижу, что они делают это осторожно». Вскоре увидал он двух ангелов, набиравших из колодца воду в бочку, и тотчас заметил, что в бочке немало дыр и что вода со всех сторон из нее проливается. Это они землю дождем поливали. «Черт возьми!» — вырвалось у него, но, по счастью, он опомнился и подумал: «Должно быть, это они делают, чтобы время провести; ну, раз это их забавляет, то, пожалуй, пусть себе занимаются таким бесполезным делом. Здесь, правда, на небе, как я заметил, только и делают, что лентяйничают». Пошел он дальше и увидел воз, что застрял в глубокой канаве.
— Это и не удивительно, — сказал он вознице, — кто ж так бестолково воз нагружает? Что это у вас такое?
— Добрые намерения, — ответил возница, — да вот никак не могу выехать с ними на правильную дорогу; я еще счастливо вытащил воз, здесь-то мне уж придут на помощь.
И вправду вскоре явился ангел и впряг в воз пару лошадей. «Это хорошо, — подумал Пфрим, — но ведь парой-то лошадей воза не вытащить, надо бы по крайней мере взять четверик». И явился другой ангел, привел еще пару лошадей, но впряг их не спереди, а сзади воза. Тут уж мастер Пфрим выдержать никак не мог.
— Эй ты, олух, — вырвалось у него, — да что ты делаешь? Виданное ли дело, чтобы так лошадей запрягали? В своем глупом чванстве они думают, что все знают лучше других.
Хотелось ему еще что-то добавить, но в это время один из небожителей схватил его за шиворот и выбросил с невероятною силой с неба. Уже у врат повернул голову мастер Пфрим в сторону воза, видит — а четверик крылатых коней поднял его на воздух.
В эту самую минуту мастер Пфрим и проснулся. «А на небе-то все по-иному, чем у нас на земле, — сказал он про себя, — кое-что, конечно, можно им простить, но хватит ли у кого терпенья смотреть, как запрягают лошадей и сзади и спереди? Правда, у них есть крылья, но кто ж об этом мог знать? А все же порядочная глупость приделывать крылья лошадям, у которых есть свои четыре ноги, чтобы бегать. Но пора, однако, вставать, а то, чего доброго, наделают мне беды в доме. Счастье еще, что умер я не на самом деле!»